

В течение пяти студенческих лет я жил в красноярском Академгородке, на пятом этаже в единственном тогда общежитии Красноярского государственного университета, которое ныне именуется, как на монетном дворе, «Копейкой». Среди таких заметных развлечений студентов, живших в общежитии, была отмечена игра в карты. Игра в шахматы также имела место, но не вызывала такого повышенного азарта. Игра же в карты шла не на деньги и на деньги — насколько я мог осознать, будучи иногда в роли зрителя, на деньги баснословные, каковых у студентов по определению не было и быть не могло. Отсюда выигравшие и проигравшие астрономические суммы приходили к консенсусу — по принципу «с проигравшей овцы хоть шерсти клок», и должник угощал выигравшую сторону ужином в каком-нибудь из городских кафе.

Утвердившись в шахматах, я не чувствовал потребности и желания играть в шахматы на деньги, материальное положение у меня было стабильное, без, понятно, каких-либо излишков. Играть в карты я научился раньше, чем в шахматы, это произошло ещё, помнится, в старшем дошкольном возрасте. Подоплёка мне стала понятна позднее. Среди жителей нашего рабочего посёлка пользовалась популярностью игра под названием «шестьдесят шесть», или, по-иному, «клин, шуба, шесть». Игра эта парная, и моему отцу, знавшему множество карточных игр, нужен был партнёр, так сказать, на подыгрыше. Более всего во время игры его интересовало наличие у меня на руках тузов. И при наличии у меня на руках одного или нескольких тузов мне следовало подать

тайный сигнал отцу, чтобы он мог, опираясь на знание моих карт, сделать тот или иной ход — говоря по-простому, «захвалить» ту или иную масть, показав короля и даму. Играли мы, насколько мне помнится, успешно, но дальнейшего продолжения эти наши парные игры не получили; хотя мне довелось играть с отцом в разные карточные игры, но, как правило, все эти игры заканчивались моим проигрышем. Так что в карточных играх отец, можно сказать, был королём. И словно в подтверждение этих слов, единственным воспоминанием о войне, которую он прошёл практически от звонка до звонка, было воспоминание о том, как он, не получивший даже начального образования ефрейтор, находясь в госпитале на излечении, обыграл в карты грамотных офицеров. Это был такой бальзам, который поддерживал отца. Однажды, уже в Тюхтете, мне довелось наблюдать игру отца на деньги с каким-то пришельцем. После нескольких розыгрышей, закончившихся к выгоде пришельца, тот принял мудрое решение — вернуть весь выигрыш отцу и на этом закончить игру.

Всё-таки один разок я сыграл в карты на деньги, и это была моя игра со старшим братом. Такого карточного «катального» мастерства, как у отца, у моего старшего брата не было, тем не менее какую-то имеющую у меня сумму денежек в пределах рубля я ему проиграл. Игра закончилась моими слезами, мелочь мне была возвращена, и я воспринял этот урок как прививку от азартных игр вообще, и это мне очень помогло в дальнейшем, позволяя вовремя останавливаться и не втягиваться в предлагаемую авантюру.

Правда, однажды игра на деньги в шахматы всё-таки состоялась, но, несмотря на экзотические условия: игры происходили в котельной, и моим соперником был рецидивист, только что освободившийся из мест заключения, — игра проходила на знакомой мне территории, на шахматной доске, где все фигуры на виду, возможности мухлежа и подтасовок заметно ограничены. Много позже мне довелось играть в двоеборье — в шахматы и в подкидного дурака — с человеком, умевшим запоминать и держать в памяти все вышедшие карты. Матч завершился вничью, мне удалось выиграть одну партию в карты, а сопернику, соответственно, одну партию в шахматы, что ещё сильнее укрепило мою веру в справедливость шахматной игры, хотя в каком-то высшем смысле игра в карты так же справедлива, как, наверно, и многие другие игры.

Сотрудники научных учреждений красноярского Академгородка увлекались игрой в блиц, при том что зачастую для

убыстрения процесса — одна партия, но много желающих, — играли не пятиминутки, а трёхминутки. Игры происходили летом на свежем воздухе, а в Академгородке всё-таки воздух был заметно свежёр, чем в других районах Красноярска. Поскольку я играл сильнее, чем собиравшиеся поближевать любители, то, одержав несколько побед в зависимости от своего состояния и проиграв-таки одну партию, я уже не вставал в хвост небольшой очереди, а шёл гулять в берёзовую рощу или заниматься к себе в общежитие.

Как-то мне довелось сыграть в официальном блицтурнире, посвящённом какому-то всенародному празднику, и занять первое место. Организатор этого блицтурнира — профсоюзный деятель институтского масштаба — предложил мне прийти за призом к нему домой. Я, естественно, в назначенное время пришёл в одну из немногих в то время пятиэтажек, поднялся на заявленный этаж. Была зима, торжествовали в Академгородке не крестьяне, а сотрудники Института физики СО АН СССР и студенты. Он предложил мне пройти в зал, угостил чаем, состоялся какой-то разговор о текущих шахматных делах в мире, чаще всего в то время обсуждались перипетии матчей претендентов, в которых солировал молодой, но ранний Анатолий Карпов. Первый приз меня дождался на трюмо возле входной двери. Когда же я, собираясь уходить, стал одеваться, то легко и непринуждённо смахнул полый своего полушубка первый приз с трюмо, и, как в сказке про курочку Рябу, бутылка шипучки упала и разбилась. Похоже, профсоюзный деятель прикипел к этой бутылке шипучки и не хотел её отдавать, и она, пусть даже и в разбитом виде, всё-таки осталась в его владениях. А я отправился к себе в общежитие в приподнятом недоумении. Говоря по-нынешнему, виртуальным достижениям соответствовал настолько же и виртуальный приз.

Говоря о двоеборье, стоит упомянуть и игру с мастером спорта по шашкам в деревне Калиновка во время уборочной кампании 1972 года. Это двоеборье также завершилось вничью: мне удалось выиграть одну партию в шашки, а сопернику — одну партию в шахматы.

Об одном из виртуальных призов рассказывается в другом моём рассказе: в качестве такого виртуального приза был женский кулачок, показанный мне из-под шахматного столика одновременно со сдачей партии, и слёзы на глазах моей симпатичной партнёрши. Если в мужской игре — соперники, то в игре с женщинами — это всё-таки партнёрши.